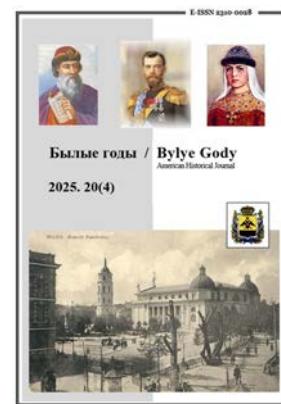

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 1950-1957
DOI: 10.13187/bg.2025.4.1950

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sanitation and Imperial Order: Muslim Cemeteries in Turkestan

Zhanibek A. Akimbek ^{a,*}, Lazat S. Dinasheva ^b

^a Al Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the role of sanitary discourse in the imperial policy of Russia in Turkestan, focusing on the case of the closure of Muslim cemeteries. Public health and cleanliness became important instruments for legitimizing imperial governance, providing justification for interference in the everyday life of the local population. The closure of Muslim cemeteries, the relocation of burial grounds beyond city limits, and the establishment of burial regulations emerged as integral elements of newly imposed norms.

It is demonstrated that sanitary measures extended far beyond the sphere of public health and hygiene. These measures served as a legitimate pretext for the state to establish control over the human body. Even after death, the human body was treated as an object of state regulation and oversight. At the same time, the regulation of cemeteries was part of a broader transformation of urban space. Traditional quarters were perceived as posing a threat to the newly developed European districts. A closer examination reveals that urban areas were distinctly segregated.

The introduction of new sanitary regulations elicited an ambivalent response from the local population. On the one hand, residents resisted these measures, which in some cases escalated into open conflicts. On the other hand, the language of sanitary discourse was appropriated by local communities as a tool for defending their interests. Thus, the regulation of cemeteries reflects broader social and political processes unfolding in Turkestan.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, Sharia, power, cemetery, medicine, sanitation, hygiene, urban space, cleanliness, cholera.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. Российская империя активно внедряла новые санитарно-гигиенические нормы на территории Туркестанского края. Эти меры являлись частью управления империей в регионе, направленного на регулирование городского пространства и изменение социальных практик местного населения. Санитарный дискурс становился важным инструментом легитимации власти.

Эти изменения затронули и мусульманские кладбища. По мнению властей, имевшиеся в крае кладбища уже были старыми и переполнены захоронениями. Существующие формы погребения рассматривались как небезопасные, способствующие распространению болезней и создающие угрозу здоровью населения. Закрытие кладбищ, перенос мест захоронений за пределы городов и установление строгих правил погребения становились важными элементами новых санитарных норм. Однако вмешательство в религиозно значимую сферу неизбежно приводило к конфликтам.

Закрытие мусульманских кладбищ являлось частью более широкой стратегии регулирования городского пространства. Создавая «санитарный город», имперские власти стремились не только снизить эпидемиологические риски, но и пространственно закрепить социальные различия между

* Corresponding author

E-mail addresses: akimbekzhanibek@gmail.com (Z.A. Akimbek)

«европейскими» и «туземными» кварталами. Таким образом, санитарная политика способствовала формированию новых границ в городском пространстве, усиливая сегрегацию и подчёркивая иерархию между различными социальными и этноконфессиональными группами.

Введение новых санитарных норм также демонстрирует стремление имперской власти к контролю над телом человека. Даже после смерти тело оставалось объектом государственного регулирования, что проявлялось в требованиях к глубине могил, местам захоронений и медицинскому осмотру умерших. Подобная «колонизация тела» превращала медицинские и гигиенические практики в инструмент легитимации власти и вмешательства во внутреннюю жизнь коренного населения края. Через контроль над телом имперская власть стремилась утвердить своё господство, подчиняя личные и общественные практики требованиям государства.

2. Материалы и методы

Источниками нашего исследования являются архивные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (г. Алматы, Республика Казахстан) и Национального архива Республики Узбекистан (НАРУЗ) (г. Ташкент, Республика Узбекистан). Использованные архивные материалы являются делопроизводственными документами местных имперских учреждений в Туркестанском крае, основную часть которых составляют рапорты, предписания и циркуляры.

Также к исследованию привлечены документы судопроизводства и личного характера. К последним относятся прошения, авторы которых вкладывали определённый смысл. Во-первых, расшифровка этих смыслов помогает изучить степень внедрения новых санитарно-гигиенических правил. Во-вторых, результаты критического чтения прошений показывают, что апеллирование местных жителей края к имперскому дискурсу о чистоте было эффективным способом в решении личных вопросов. Таким образом, местные жители в диалоге с властями формировали пространство и определяли нормы чистоты в зависимости от ситуации.

Заметки местных чиновников помогают провести сравнительный анализ с официальными отчётом и установить реальное санитарно-гигиеническое состояние городов Туркестанского края. Эти источники позволяют оценить степень эффективности внедряемых правил среди местного населения.

Внедрение новых норм санитарии и гигиены среди населения края объясняется понятием «колонизации тела», введённым британским исследователем Дэвидом Арнольдом. Так, тело человека превращается в объект имперской власти, а новые правила – инструмент изменения внутренней жизни ([Arnold, 1993](#)).

3. Обсуждение

Настоящее исследование посвящено изучению внедрения новых санитарно-гигиенических правил в Туркестанском крае как части истории имперской медицины. Медицина являлась важным инструментом любой европейской империи в колониях. Она была тесно связана с различными аспектами повседневной жизни местного населения. Поэтому историография исследуемой проблемы довольно обширна.

Фундаментальный труд по изучению роли медицины в колониальной политике принадлежит Дэвиду Арнольду. Исследователь показывает, что медицина выполняла не только санитарную и лечебную функции, но и служила средством контроля. С другой стороны, индийские врачи и элиты адаптировали западную медицину к местным условиям. Это способствовало интеграции медицинских практик и формированию новых гибридных моделей. Таким образом, медицина была не только инструментом контроля, но и ареной взаимодействия ([Arnold, 1993: 290-294](#)).

Такого же мнения придерживается Марк Харрисон. В своей работе о роли здравоохранения в государственном управлении на примере Британской Индии он отмечает, что медицина была инструментом социального контроля. Этим британские власти обосновывали социальную сегрегацию. По мнению Харрисона, формирование санитарного дискурса следует рассматривать как результат противостояния двух концептуальных моделей. Патерналистская модель, акцентировавшая внимание на «цивилизаторской миссии», сдерживалась либерально-децентралистской. Потому что она была обусловлена ограниченностью финансовых ресурсов империи, сопротивлением местного населения и конкуренцией за ресурсы между местными и центральными органами власти ([Harrison, 1994: 4](#)).

По мнению ряда исследователей, санитарно-гигиенические правила, введённые имперской властью, влияли и на городское пространство. Эти нормы включали проекты водоснабжения, канализации и регулирования застройки. Данные изменения способствовали «пространственной сегрегации», так как районы, где проживало местное население, считались опасными с эпидемиологической точки зрения. Однако это разделение не являлось препятствием для тесного взаимодействия между коренным и европейским населением ([Буттино, 2007; Çelik, 1997; Crews, 2003; Sahadeo, 2007; Bissell, 2011](#)).

4. Результаты

В 1883 г. начальник Туркестанского уезда представил рапорт военному губернатору Сыр-Дарынской области о гигиеническом состоянии мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Этот мавзолей сохранился до нашего времени и находится в г. Туркестане, на юге Казахстана. Он был построен в конце XIV в. основателем империи Тимуридов Эмиром Тимуром (Тамерланом) на месте могилы мусульманского проповедника, суфия Ходжи Ахмеда Ясави. К мавзолею приезжали на поклонение не только из различных районов Туркестанского края, но также из Сибири и сопредельных ханств. Быть похороненным в мавзолее считалось честью для мусульман региона.

Со временем внутреннее пространство оказалось переполнено захоронениями. Разложение тел привело к загрязнению воздуха внутри мавзолея. Бывший аксакал города Мирхадыр Нарбаев утверждал, что ещё первым генерал-губернатором края К. фон Кауфманом было запрещено дальнейшее погребение умерших в мечети «Азрет Султан». Однако его официальное распоряжение не было найдено. В результате военный губернатор наложил резолюцию о запрете хоронить в мавзолее ([ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 196. Л. 1-6](#)).

Эта мера отражает попытку имперской власти внедрить новые нормы гигиены среди коренного населения. Дискурс о чистоте ассоциировался с прогрессом. Неподчинение новым порядкам воспринималось как угроза управлению. Местная администрация, с внедрением новых правил, пыталась не только изменить пространство, но и привить новые ценности подданным империи. По мнению властей, это должно было привести к улучшению здоровья населения за счёт изменения практик. Для достижения этой цели использовались различные способы, которые в конечном итоге приводили к искоренению местных практик и знаний ([Walther, 2017: 551-552](#)).

В публицистике рассматриваемого периода мусульманские кварталы описывались как хаотичные, пыльные и антисанитарные, с узкими улицами, саманными домами. В противоположность им новые русские кварталы строились по регулярной сетке, с просторными улицами, административными зданиями, парками, и считались образцом «европейской чистоты» и порядка ([Kabuldinov et al., 2024: 89](#)).

Новая «русская» часть города противопоставлялась «туземной». В «туземной» части жило местное мусульманское население, а в русской – европейцы. Русская часть города отличалась своей правильной планировкой и «прямymi, широкими, большей частью шоссированными, а частью и вымощенными булыжником улицами, обсаженными двумя рядами деревьев ... и окаймленными по обеим сторонам канавками с проточной водой». На этом фоне «туземная» часть представляла «по внешнему виду массу желтовато-серых, большей частью одноэтажных глинобитных домов и построек ..., то тесно скученных и изрезанных лабиринтом узких немощенных улиц» ([Россия, 1913: 610-611, 615](#)).

Коренное население региона часто изображалось как «нечистоплотное» и «безразличное» к санитарии. По причине близости клеверных и рисовых полей к населённым пунктам жители болели малярией ([Остроумов, 1908: 80-81](#)).

Активные санитарно-гигиенические мероприятия местной администрации начались в 90-х гг. XIX в. В 1891 г. генерал-губернатор Туркестанского края А. Вревский приказал огородить кладбища и посадить там деревья. Также им же было приказано «с целью улучшения санитарных условий в населенных местах ... иметь строгий надзор и настояние, чтобы магометанские кладбища вновь устраивались исключительно за пределами населенных пунктов», а старые закрыть ([ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 103. Л. 54](#)).

Все эти меры были ответом на холерную эпидемию, охватившую в то время не только Туркестанский край, но и Европейскую Россию. Летом 1892 г. началась эпидемия холеры, которая сильно затронула Ташкент, являвшийся центром края. В целях предотвращения распространения были предприняты санитарные меры, которые включали запрет погребения покойного без предварительного осмотра медработника и захоронение в специальных участках для умерших от холеры. Согласно шариату, покойного необходимо предать земле в день смерти. Однако по причине нехватки медработников тело оставалось без погребения в течение нескольких суток. Кроме того, в городе имелось единственное новое кладбище, которое находилось за городской чертой, что было неудобно для переноса тела. Эти непродуманные действия имперской администрации вызвали недовольство местного населения, которое перетекло в протест. Царская власть, быстро подавив выступление мусульман, сняла все ограничения, наложенные на них ([Терентьев, 1906: 371-379](#)).

В 1893 г. Сыр-Дарынский военный губернатор в своём циркуляре указал, что не следует отправлять мусульман в холерные лазареты «насилино против воли». Также разрешалось погребение умерших от холеры «обычным порядком, но при этом разъяснять им при каждом удобном случае» ([ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 243. Л. 9](#)). Исследовательница Шарлотта Хенце на примере санитарных правил против холеры в Саратове показала, что местные власти не были готовы к распространению этого заболевания. Население, запущенное самой болезнью, беззащитное перед местными властями и подвергаемое непонятным и бесчеловечным санитарно-медицинским процедурам, отреагировало подозрительностью, злобой и, в конечном итоге, яростным сопротивлением. Это свидетельствовало

об уровне недоверия к государству. А применение военной силы в подавлении бунта показало шаткость имперской власти (Henze, 2011: 95–96).

Холерный бунт ещё раз убедил царскую администрацию в отсталости местного населения. В результате сегрегация коренного населения казалась правильным подходом в управлении. Стена взаимной отчуждённости между коренным населением и имперской администрацией становилась всё толще (Sahadeo, 2007: 106–107).

Однако меры по закрытию мусульманских кладбищ продолжились и после подавления холерного бунта. В июне 1894 г. в одном из номеров газеты «Туркестанские ведомости» вышла статья офицера, краеведа Н. Лыкошина о санитарно-гигиеническом состоянии мусульманских кладбищ Ташкента. В городе имелось 74 мусульманских кладбища, из которых 58 находились в густонаселённых кварталах. Со временем в кладбищах возникла нехватка мест. Непосредственная близость к жилым зонам угрожала здоровью населения. В 1890 г. военный губернатор Сыр-Дарынской области Н. Гродеков приказал закрыть 21 мусульманское кладбище. Вслед за этим военный губернатор распространил данный приказ и на другие города области с предписанием открыть новые «вне густонаселенных кварталов». По причине отсутствия в казне средств бремя обустройства новых кладбищ легло на плечи местного населения. Таким образом, было открыто 11 участков.

С 15 июня 1894 г. по приказу начальника Ташкента были закрыты все старые мусульманские кладбища и открыты 11 новых за городской стеной. Автор упомянутой выше статьи выражал надежду, «что через несколько лет старые кладбища, на которых не будут уже больше хоронить мертвых, окончательно обеззаразятся и станут служить местом прогулки» (Лыкошин, 1894: 148).

Подобная логика проявлялась не только в Ташкенте, но и в других городах края. 8 ноября 1907 г. на заседании Туркестанского городского хозяйственного управления было принято постановление о закрытии старых мусульманских кладбищ с ограждением новых четырёх участков (ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 686. Л. 164). Данное распоряжение было сделано на основании заседания общего присутствия Сыр-Дарынской области. Однако инициатива по закрытию старых мусульманских кладбищ исходила от хозяйственного управления города. Имеющиеся мусульманские кладбища были разбросаны по всему городу и не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям. Также хозяйственное управление города просило областноеправление дать разрешение на устройство 4 новых кладбищ и обязать «хоронить умерших на не менее узаконенной для могил глубине на 3 аршина». Протокол заседания был передан на утверждение военного губернатора, однако оно не имело силы без согласия Туркестанского генерал-губернатора. Генерал-губернатор в своём письме к военному губернатору сообщил, что «если закрытие мусульманских кладбищ в гор. Туркестан Вам признается необходимым, то выполнение сего на тех или иных основаниях представляется на Ваше усмотрение». Согласно рапорту старшего аксакала города, в городе было 45 кладбищ, которые необходимо было закрыть (ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 686. Л. 161, 163–164, 166, 169).

Изданная спустя 4 года после закрытия старых кладбищ в г. Туркестане книга историка, этнографа А. Добросмыслова отмечала, что мусульманские кладбища разбросаны по городу и следует обратить на это внимание, так как это вызывает санитарные риски (Добросмыслов, 1912: 132). Возможно, неэффективность и обход постановления были связаны с нехваткой финансовых средств. Поэтому городские власти ограничивались постановлениями, требовавшими соблюдения санитарно-гигиенических норм (Центральноазиатский регион..., 2021: 53). В 1907 г. на санитарные нужды г. Туркестана власти тратили всего 385 рублей (Отчет по ревизии..., 1910: 232). Не всегда принимаемые меры отвечали местным условиям. В жаркую погоду умершего необходимо было как можно скорее похоронить, а ввиду расположения новых кладбищ за чертой города создавались риски по распространению инфекций.

Закрытие кладбищ демонстрирует не только попытку имперской власти внедрить новые санитарно-гигиенические правила, но и установление контроля над телами – то, что Арнольд Дэвис назвал «колонизацией тела» (Arnold, 1993: 7–8). Даже после смерти тело человека оставалось объектом контроля. Это особенно наглядно прослеживается в одном конкретном случае, который иллюстрирует, как власти стремились установить контроль над телом даже после смерти.

В 1905 г. в Ур-Маральской волости Аулиеатинского уезда произошёл случай, отражающий противоречия между имперскими санитарными нормами и местными похоронными практиками. Старшина аула № 6 Умбетали Иралин разрешил родственникам замёрзшего Катагана Кельдыбекова забрать тело для погребения, несмотря на распоряжение участкового пристава дождаться прибытия врача и следственных властей. По результатам дознания было установлено, что Иралин действовал с согласия родственников умершего, которые выдали подпись, подтверждающую отсутствие претензий. Однако пристав Горного участка, капитан В. Кубашев, расценил действия старшины как превышение власти и ходатайствовал о привлечении его к суду. Первоначально Иралин был отстранён от должности и предан суду (ЦГА РК. Ф. И-433. Оп. 1. Д. 11, 120б.).

Впоследствии Сыр-Дарынское областноеправление, рассмотрев дело, прекратило уголовное преследование. Основанием стало заключение прокурора Ташкентского окружного суда, согласно которому смерть Кельдыбекова не была насилиственной и судебно-медицинское освидетельствование

не требовалось. Дело было передано на разрешение в административном порядке, ограничившись вынесением Иралину замечания ([ЦГА РК. Ф. И-433. Оп. 1. Д. 117. Л. 4-5](#)). Этот случай иллюстрирует столкновение имперской власти, стремившейся установить контроль над телом даже после смерти, и локальных практик погребения, сохранявших автономию в принятии решений. Медицина становится инструментом империи, с помощью которого власть стремится установить свою гегемонию во внутренней жизни местного населения ([Arnold, 1993: 8](#)).

Помимо внедрения новых санитарно-гигиенических правил, меры по закрытию старых кладбищ преследовали цель по изменению городского пространства. Согласно американскому исследователю Уильяму Бисселлу, градостроительная политика империи была тесно связана с санитарными представлениями. Основная цель заключалась в создании «санитарного города», что на практике означало пространственное разделение населения. Имперские чиновники и врачи исходили из убеждения, что смешанное проживание способствует распространению болезней. Однако подобные проекты имели скорее идеологическую, чем медицинскую основу. Европейцы трактовались как группа, которую необходимо изолировать от источников инфекции.

Таким образом, это отражало не столько заботу о здоровье, сколько стремление закрепить социальные иерархии и пространственно оформить свою власть. Попытки «очистить» и рационализировать город стали частью более широкой практики власти, стремившейся упорядочить общество через контроль над пространством ([Bissell, 2011: 177-182](#)).

Из нижеприведенного прошения видно, что разделение города поддерживалось и европейским населением края. В августе 1896 г. жители г. Коканда Ферганской области обратились с просьбой к военному губернатору о переносе мазаров¹, которые находились вблизи их домов. Обращение было перенаправлено начальнику Кокандского уезда. Начальник уезда сообщил, что эти мазары посещаются мусульманским населением области, снос которых может вызвать недовольство. По сообщению уездного начальника, на самом деле просители стремились завладеть участком земли, на котором находились эти мазары. В результате прошение о переносе не было удовлетворено ([НАРУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 5050. Л. 3, 3 об., 4-5, 6](#)). Стоит отметить, что данное решение Кокандского уездного начальника противоречит официальной позиции властей об упорядочении мусульманских захоронений. Как показывает логика действий чиновника, сохранение общественного порядка было более важной задачей.

Трудно установить степень соблюдения новых санитарно-гигиенических правил местным населением Туркестанского края. С одной стороны, попытки имперской власти встречали сопротивление. Однако, согласно обнаруженному в архиве прошению, составленному жителями Семиреченской области, становится ясно, что новый санитарный дискурс стал инструментом в решении своих личных целей.

В апреле 1913 г. жители селения Зайцевского (ныне аул Шелек) обратились с прошением к военному губернатору Семиреченской области. После того как старое кладбище заполнилось, в 1911 г., с согласия сельского общества, им было выделено около двух десятин земли под новое кладбище, которое они огородили стеной (дувалом), затратив 95 рублей, и произвели посадку около 400 деревьев. Однако в 1913 г. русские жители того же селения отобрали этот обустроенный участок земли.

Они просили сделать распоряжение об отводе им земли под мечеть и новое кладбище или о возврате отобранного у них русскими крестьянами участка. Авторы прошения отдельно отмечали, «что вопрос о кладбище имеет не только религиозное, но и общественно-санитарное значение». В итоге прошение было удовлетворено, и был выделен участок земли в размере двух десятин ([ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 43272. Л. 2-3, 4-5, 7](#)).

Сейчас невозможно узнать, как на самом деле выглядело мусульманское кладбище в Зайцевском, было ли оно огорожено стеной и высажены там деревья. Но прошение городских жителей иллюстрирует, как частные интересы облекались в форму легитимного обращения к власти с использованием санитарного дискурса. Этот случай демонстрирует, что выбор риторики был не случайным, а отражал необходимость вписать локальные стремления в рамки данного дискурса. В результате прошение стало частью более широкой логики, где язык власти превращался в инструмент перераспределения пространства и социального статуса ([Johnson, Miller, 2025: 461-462](#)).

5. Заключение

Внедрение новых гигиенических норм, включая регулирование мусульманских кладбищ, рассматривалось властями как часть широкого проекта изменения региона. Российская империя стремилась утвердить контроль над городскими территориями, связывая санитарные меры с идеями «цивилизаторской миссии» и европейских стандартов гигиены. При этом формальные цели здравоохранения сочетались с неявными задачами политического и культурного доминирования. Таким образом, санитарные реформы становились важным инструментом интеграции региона в имперскую систему.

¹ Мазар – могила мусульманского святого.

Закрытие старых кладбищ, перенос захоронений и навязывание новых санитарных правил привели к напряжённым отношениям между имперской администрацией и мусульманским населением. Для мусульманских жителей такие меры воспринимались как вмешательство в религиозную сферу и угроза традициям. В ответ возникали различные формы протеста – от открытых жалоб и петиций до скрытого сопротивления и частичного саботажа новых правил. Однако часть населения была вынуждена адаптироваться к изменениям, стремясь минимизировать возможные конфликты с властями.

Анализ приведённых источников показывает, что санитарные реформы в Туркестане выполняли двойную функцию. С одной стороны, они действительно направлялись на улучшение общественного здоровья и предотвращение эпидемий. Однако изменение городского пространства и внедрение новых санитарно-гигиенических норм способствовали укреплению имперской власти в регионе. Эти реформы становились ареной столкновения интересов, где санитарный дискурс использовался для легитимации имперского контроля.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта АР26103507 «Урбанистическая культура Туркестанского региона в контексте социально-культурной эволюции и трансформации (XVIII – начало XXI века): от традиционного города к современности» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- [Буттино, 2007](#) – *Буттино М. Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР*. М., 2007. 447 с.
- [Добросмыслов, 1912](#) – *Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарыинской области*. Казалинск, Первовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент, 1912. 204 с.
- [Лыкошин, 1894](#) – *Лыкошин Н. Новые мусульманские кладбища // Туркестанские ведомости*. 1894. № 40. 5 июня.
- [НАРУз](#) – Национальный архив Республики Узбекистан.
- [Остроумов, 1908](#) – *Остроумов Н.П. Этнографические материалы (Общий очерк)*. Ташкент, 1908. 297 с.
- [Отчет по ревизии..., 1910](#) – Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом: Городское управление. СПб., 1910. 484 с.
- [Россия, 1913](#) – *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей*. Т. 19: Туркестанский край. СПб., 1913. 861 с.
- [Терентьев, 1906](#) – *Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами*. Т. 3. СПб., 1906. 496 с.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- [Центральноазиатский регион..., 2021](#) – Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтальной модернизации. Барнаул, 2021. 395 с.
- [Arnold, 1993](#) – *Arnold D. Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth Century India*. Berkeley, 1993. 354 р.
- [Bissell, 2011](#) – *Bissell W.C. Urban Design, Chaos, and Colonial Power in Zanzibar*. Bloomington, 2011. 394 р.
- [Crews, 2003](#) – *Crews R.D. Civilization in the city: Architecture, urbanism, and the colonization of Tashkent. / Architecture of Russian identity, 1500 to the present*. Ithaca, London, 2003. pp. 117-132.
- [Çelik, 1997](#) – *Çelik Z. Urban Forms and Colonial Confrontations: Algiers Under French Rule*. Berkeley, Los Angeles, London, 1997. 250 р.
- [Gupta, 1981](#) – *Gupta N. Delhi Between Two Empires, 1803-1931: Society, Government, and Urban Growth*. New Delhi, 1981. 234 р.
- [Harrison, 1994](#) – *Harrison M. Public health in British India: Anglo-Indian preventive medicine, 1859–1914*. Cambridge, 1994. 324 р.
- [Henze, 2011](#) – *Henze C.E. Disease, Health Care, and Government in Late Imperial Russia: Life and Death in the Volga, 1823-1914*. New York, 2011. 227 р.
- [Johnson, Miller, 2025](#) – *Johnson M., Miller H. Introduction: Petitions and Petitioning in Colonial and Post-Colonial Contexts // The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2025. № 3. Pp. 453-475.
- [Kabuldinov et al., 2024](#) – *Kabuldinov Z.E., Uderbayeva S.K., Shotanova G.A. Diplomatic Mission A.F. Negri in Bukhara 1820: Goals and Results // Bylye Gody*. 2024. 19(1): 84-94.
- [Sahadeo, 2007](#) – *Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington, 2007. 316 р.
- [Walther, 2017](#) – *Walther D.J. Race, Space and Toilets: 'Civilization' and 'Dirt' in the German Colonial Order, 1890s-1914 // German History*. 2017. № 4. pp. 551-567.

References

- Arnold, 1993** – Arnold, D. (1993). *Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth Century India*. Berkeley. 354 p.
- Bissell, 2011** – Bissell, W.C. (2011). *Urban Design, Chaos, and Colonial Power in Zanzibar*. Bloomington. 394 p.
- Buttino, 2007** – Buttino, M. (2007). *Revoliutsia naoborot: Sredniaia Azia mezhdu padeniem tsarskoi imperii i obrazovaniem SSSR* [Revolution in reverse: Central Asia between the fall of the Tsarist Empire and the formation of the USSR]. M. 447 p. [in Russian]
- Crews, 2003** – Crews, R.D. (2003). *Civilization in the city: Architecture, urbanism, and the colonization of Tashkent*. Architecture of Russian identity, 1500 to the present. Ithaca, London. Pp. 117-132.
- Çelik, 1997** – Çelik, Z. (1997). *Urban Forms and Colonial Confrontations: Algiers Under French Rule*. Berkeley, Los Angeles, London. 250 p.
- Dobrosmyslov, 1912** – Dobrosmyslov, A.I. (1912). *Goroda Syr-Dar'inskoi oblasti*. Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata i Chimkent [Cities of the Syr-Darya region]. Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata and Chimkent]. Tashkent. 204 p. [in Russian]
- Harrison, 1994** – Harrison, M. (1994). *Public health in British India: Anglo-Indian preventive medicine, 1859-1914*. Cambridge. 324 p.
- Henze, 2011** – Henze, C.E. (2011). *Disease, Health Care, and Government in Late Imperial Russia: Life and Death in the Volga, 1823-1914*. New York. 227 p.
- Gupta, 1981** – Gupta, N. (1981). *Delhi Between Two Empires, 1803-1931: Society, Government, and Urban Growth*. New Delhi. 234 p.
- Johnson, Miller, 2025** – Johnson, M., Miller, H. (2025). Introduction: Petitions and Petitioning in Colonial and Post-Colonial Contexts. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 3: 453-475.
- Kabuldinov et al., 2024** – Kabuldinov, Z.E., Uderbayeva, S.K., Shotanova, G.A. (2024). *Diplomatic Mission A.F. Negri in Bukhara 1820: Goals and Results*. *Bylye Gody*. 19(1): 84-94.
- Lykoshin, 1894** – Lykoshin, N. (1894). *Novye musul'manskie kladbischcha* [New muslim cemeteries]. *Turkestanskie vedomosti*. 40, June 5.P. 148. [in Russian]
- NAU** – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Ostroumov, 1908** – Ostroumov, N.P. (1908). *Etnograficheskie materialy (Obshchii ocherk)* [Ethnographic Materials (General overview)]. Tashkent. 297 p. [in Russian]
- Otchet po revizii..., 1910** – Otchet po revizii Turkestanskogo kraia, proizvedennoi po vysochaishemu poveleniiu senatorom gofmeisterom grafom K.K. Palenom: Gorodskoe upravlenie [Report on the inspection of the Turkestan, conducted by imperial order by senator, hofmeister count K.K. Palen: municipal administration]. SPb. 1910. 484 p. [in Russian]
- Rossiia..., 1913** – Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei. T. 19: Turkestanskii krai [Russia. A complete geographical description of our fatherland: a reference and travel book for the Russian people. Vol. 19: Turkestan]. SPb. 1913. 861 p. [in Russian]
- Sahadeo, 2007** – Sahadeo, J. (2007). *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923*. Bloomington. 316 p.
- Terent'ev, 1906** – Terent'ev, M.A. (1906). *Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. S kartami i planami* [History of the conquest of Central Asia. With maps and plans]. T. 3. SPb. 496 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan].
- Tsentral'noaziatskii region..., 2021** – Tsentral'noaziatskii region Rossiiskoi imperii Rossiiskoi imperii v usloviakh frontirnoi modernizatsii [The Central Asian region of the Russian Empire under conditions of frontier modernization]. Barnaul, 2021. 395 p. [in Russian]
- Walther, 2017** – Walther, D.J. (2017). *Race, Space and Toilets: 'Civilization' and 'Dirt' in the German Colonial Order, 1890s-1914*. *German History*. 4: 551-567.

Санитария и имперский порядок: мусульманские кладбища в Туркестанском крае

Жанибек Алтынбекович Акимбек ^{a,*}, Ляззат Сарсембековна Динашева ^b

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматривается роль санитарного дискурса в имперской политике России в Туркестанском крае на примере закрытия мусульманских кладбищ. Забота о

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akimbekzhanibek@gmail.com (Ж.А. Акимбек)

здоровье и чистоте стала важным инструментом легитимации имперского управления, позволяя оправдывать вмешательство в повседневную жизнь местного населения. Закрытие мусульманских кладбищ, перенос мест захоронений за пределы города и установление правил погребения становились элементами новых норм.

Показано, что санитарные меры выходили за рамки санитарно-гигиенических задач. Эти меры являлись законным поводом для государства установить контроль над телом человека. Даже после смерти человеческое тело рассматривалось как объект государственного контроля. Наряду с этим, регулирование кладбищ было частью трансформации городского пространства. Традиционные кварталы представляли угрозу для появившихся европейских районов. Проведённое исследование показывает, что районы были чётко сегрегированы.

Внедрение новых санитарных норм вызвало неоднозначную реакцию местного населения. С одной стороны, население сопротивлялось новым мерам, что приводило в некоторых случаях к открытым конфликтам. С другой – язык санитарного дискурса использовался жителями края для защиты своих интересов. Так, становится ясно, что регулирование кладбищ отражает широкие общественные процессы в Туркестанском крае.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, шариат, власть, кладбище, медицина, санитария, гигиена, городское пространство, чистота, холера.